

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩІЙ
— ДУХ СОЗДАЮЩІЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

С о д е р ж а н и е:

- 1) В Америке.
- 2) В России. . .
- 3) Малатеста о диктатуре.
- 4) О Федерации. — ВИД.
- 5) Возможен ли анархизм в настоящее время? — Автономов.
- 6) Невозможно. — Р. Ф. М.
- 7) Для чего мы делали революцию?
- 8) Малатеста освобожден.
- 9) Возражения анархизму. — Дж. Баррет.
- 10) Не проклинай. — (Стих.)
- 11) Корреспонденции:
 - а) Стон из русской тюрьмы.
- 12) Заявления и отчеты.

В А М Е Р И К Е.

— 0 —

Монотонность и однообразие жизни страны, пресловутое довольство и равнодушие ко всему на свете американского рабочего, его покорное подчинение господину, за кость от стола его безвольное течение по руслу означенному хозяином и правительством, — все это было неожиданно нарушено.

После месяца бесплодных усилий в борьбе за право организоваться; после жестоких преследований, многочисленных убийств и невыносимых издевательств вооруженных наемников угольных магнатов над настойчиво заявляющими право на жизнь углекопами Западной Вирджинии; после многих тайных и явных конференций между “вождями” Американской Федерации Труда, к которой принадлежало (да, да, именно принадлежало) большинство бастующих углекопов, с представителями хозяев, и вопреки приказу “вождей,” после убийства среди белого дня, открыто осмелившегося разоблачить преступления наемных убийц конторы сыска и “страйкбрехерства,” Болдвин-Фельтс, — Сид Гатфильда; — после всех этих событий, человеческое достоинство углекопов заявило свой протест открытым вооруженным восстанием.

Хозяева копей являются собственниками почти всего не только в недрах земли штата З. Вирджинии, но и на поверхности. Города построены на их земле. Все здания, даже во многих местах театры, школы и церкви, принадлежат им же. Хозяин является не только работодателем по отношению к углекопу,

но домохозяином, купцом, полицейской охраной и покровителем его доктора, попа и учителя. Владельцы копей, в большинстве случаев, платят и полиции, и попу, и учителю, и, естественно, пользуются их услугами и помощью в борьбе с своими рабочими.

Держа, таким образом, углекопов в полном экономическом рабстве, хозяева пользуются и политической силой государства: на их стороне, кроме полиции, вся мощь судов, которые налагают запреты (инджонкшн) на пропаганду, объявляют забастовку незаконной, налагают запреты на пользование финансовыми средствами юнионов на нужды забастовки и т. п.

Забастовка в угольных полях округа З. Вирджинии, Минго, затянулась, несмотря на то, что требования шахтеров были весьма и весьма умеренны: 8-ми часовый рабочий день, право покупать не в лавках компании, ибо насильственно монополизовав всю торговлю жизненными необходимостями, владельцы копей, под угрозой расчёта, заставляли своих рабочих покупать все в лавках компаний по значительно повышенным ценам, создав, как бы, волшебный круг, по которому бегали пущенные ими в оборот несколько долларов: все, что выходило в виде платы за работу, немедленно же возвращалось в лавочки хозяев в виде платы за товары. Обвешивание, практикуемое служащими компаний, заставило углекопов потребовать постановления своего весовщика, определения веса тонны в 2.000 фунтов, оп-

ределения точного веса вагонеток и т. п.

Почему же такие элементарные требования справедливости не были удовлетворены? Почему комиссии расследования, назначаемые правительством, заявив, что удовлетворение этих требований необходимо в интересах промышленности страны, замолкали и ничего не делали? Почему правительство оказывает давление только на рабочих и послушно исполняет все желания владельцев?

Ответ очень прост: Голод и Холод — самые лучшие союзники хищных паразитов, ибо они обессиливают гиганта производителя. Ничтожная плата и чрезмерные цены на предметы необходимости держат рабочего в вечном голоде, искусственно регулируемая недовыработка угля и, как следствие, недоступная цена на него заставляют семьи рабочих жить в холодных и сырых квартирах и чахнуть от постоянной простуды. Правительство же является лишь орудием в руках хозяев и старается ударить рабочих от открытых выступлений против эксплуататоров своим, якобы беспристрастным, посредничеством; если же хитрость не берет, оно выставит грубую силу.

Приближение зимы разбудило дремлющий инстинкт самосохранения у лишенных хлеба и крова углекопов.

В уезде Минго зверства капиталистических бандитов проявились с особенной жестокостью, туда и направлены вооруженные отряды углекопов. Выростая по мере приближения, дабы смести с лица земли презренных убийц и получить доступ к труду. Встревоженная полиция заметалась в безумном страхе и «шерифы» многих поселков под страхом кары закона стали рекрутировать в ряды полиции чуть ли не всех способных носить оружие. По горным дорогам, тропам и железно-до-

рожным путям были расставлены патрули, вырыты траншеи, построены баррикады, дабы задержать движение вооруженных отрядов углекопов. По зову властей, все подонки общества, со всей Америки, потянулись в восставшие местности, предлагая свои братоубийственные услуги. Испуганный губернатор штата требует немедленной присылки федеральных войск,*) видя, что своими силами не спасти ему от справедливого народного гнева тех преступников, которые во имя и под защитой закона грабят, насилуют и угнетают трудовое население страны.

В то время, как войска готовились к выступлению, престольный гипокрит, Гардинг, издает прокламацию, приказывая углекопам разойтись и подчиниться местным «законным» властям, т. е. снова подставить свои головы под удары той же явной, тайной, наемной и добровольной, штатной и хозяйской полиции и банды убийц.

В это время число повстанцев все росло и дошло до 6,000 чел. (В штате Зап. Виржинии насчитывается до 95.000 углекопов, из которых около 53,000 принадлежит к юниону). Начались стычки и перестрелки... Через несколько часов на сцену являются доблестные войска: их отряды рыскают в горах в поисках повстанцев, их аэропланы с высоты готовы разнести бомбами любое сборище повстанцев. На приказ командира войск, Бенгольца, сложить оружие, приносится пара десятков старых ружей и револьверов, шахтеры же и не думают разоружаться: они уходят, отступают перед вооруженной силой войск, но хранят свое ору-

*) Еще во второй половине 1920-го года федеральные войска дважды являлись в округ Минго на «успокоение», т. е. защиту собственности угольных баронов, и их приспешников и страйк-брекеров.

жие, зная, что борьба только еще начинается. Сколько жертв пало в этой борьбе еще пока не выяснено, сколько их еще падет не знаем, но знаем что оправившиеся от испуга хозяева копеек постараются задушить всякое новое поползновение углекопов на улучшение жизненных условий. Они и сейчас уже требуют права расправиться по своему с “мятежниками” посредством полиции и сыщиков. Но не далек уже тот час, когда чаша терпения рабов не только угольной промышленности, но и всех отраслей производства, переполнится, и труженик-раб, почувствовав свою силушку, откажется от непосильной заботы кормления и услаждения своры паразитов; когда он, с торжествующим кличем свободы на устах и жаждой мщения в сердце раздавит своей массой вековых угнетателей, разрушит все их институты рабства, когда он возьмет назад веками грабимые у него богатства, создание рук и ума его, и заживет довольной и счастливой жизнью свободного труженика.

Зная это, углекопы З. Virginии, не встречая поддержки других рабочих, временно отступают....

И снова все погружается в спячку, снова мертвое затишье... Покорно, рабски-покорно, без протеста, беспомощно ждут рабочие голодную и холодную зиму.

Не дремлет лишь правительство. Оно занято важными проблемами. На носу мирная конференция (собственно конференция для дележа Дальнего Востока и Китая), а Гардинг собирается созвать и конференцию по ‘устранению безработицы.’ Остается правительству, — по словам редактора “Фриман” — созвать еще конференцию на превращение окружности в четырехугольник и по вопросу “вечного движения” — и все невозможности бы-

ли бы на лицо. Действительно нам нечего ожидать чего-либо доброго от со-вещаний наших врагов, хищников-паразитов, которые крепко держатся за захваченные ими богатства и власть. Их политика — мрачна, грязна, скрытна и лицемерна. Для характеристики их мирных стремлений я приведу небольшую статистику представленную палате депутатов Англии, о стоимости содержания вооруженной армии:

	1913—14	1920—21
Соед. Штаты —	316,000,000 дол. —	911,000,000 дол.
Англия —	28,416,000 фунт —	164,750,000 фун.
Франция —	913,750,000 франк.—	6,546,000,000 фр.
Япония —	97,545,515 иен. —	230,000,000 иен.

Цифры говорят сами за себя!

Если у нас есть хоть доля чувства само-сохранения, мы не должны молчать, мы не должны покорно ждать, пока нас поведут, как скот на убой, в новые бойни, пока нас уморят голодом; нам-необходимо забрать все, что нам нужно для сохранения и продолжения жизни, нам надо освободиться от хозяев и правительств.

— o —

З А Я В Л Е Н И Е:

В скором времени выйдет из печати брошюра протеста против большевиков на русском и английском языках, в которой последовательно изложено все зло, причиненное русскому трудящемуся люду новым “революционным,” большевистским, “коммунистическим,” “советским” правительством.

Имеется недавно изданная брошюра: “Мировая Революция или Ответ Р. Майнору,” на английском языке. Цена — 15 сен.

В Р О С С И И.

— 0 —

Россия все еще предлагает быть центром внимания всего мира. Голод, Голод, Голод! — Помогите! Помогите! — заглушает все, что творится в этой громадной тюрьме, этом концентрационном лагере “научного” социализма.

Заглушили эти крики отчаяния и конгрессы 3-го Московского Интернационала, и, в связи с ним, Интернационала Красных Юнионов, которые даю много характерных черт деятельности наших российских диктаторов. Была выяснено, что руководство рабочим движением (скорее посягательство на него), посредством 3-го Интернационала и его распорядительность были в высшей степени непрактичны и губительны для рабочих. Раскол, по приказу главрей Интернационала, в социалистической партии Италии убил и левое и правое течение; Мартовское выступление германских “коммунистов,” по приказу Зиновьева и Ко., закончилось кровавым поражением, и раскол во Франции только ослабил силы партии.

Главарь большевистской партии России хотят посредством Интернационала править всем миром, руководить революционным движением (по шаблону) повсюду, как пробовал руководить действиями парижских коммунаров: созданный Марксом и Энгельсом Генеральный Совет Первого Интернационала, посылая следующие приказы:

1) Марта 20-го. — “В виду затруднений, которые мешают отъезду граждан Асси и Мортъера в Лион, мы назначаем гражданина Ландека в Марсель и Лион с полной властью.”

2) Марта 23-го. — “Задержите Го-

берта в Лионе, Генскота у вас, и пошлите Эштейна а Марсель.”

3) Апреля 4-го. — “Не производите бесполезной агитации в провинции.”

4) Апреля 9-го. — “Мы ожидаем результатов, чтобы дать вам наши инструкции.”

И это все из Лондона Парижскому отделу Интернационала!

Как смешны кажутся нам эти диктаторские замашки Магомета Социализма, Маркса, как вредны—попытки российских диктаторов сеять свой нос повсюду и командовать.

Попытка закрепления своей власти, посредством создания Интернационала Красных Юнионов и подчинения его влиянию 3-го “Коммунистического” Интернационала едва ли будет удачной, судя по протестам представителей Индустриалистов Америки и Канады, и Синдикалистов (левых) Франции и Испании. Л. Ганет (про-большевик) так определяет положение: “Все более и более эти не-коммунистические группы, коль скоро они имеют свои синдикалистические доктрины, будут отлагаться от коммунистической партии с ее партийно-проводимой “диктатурой пролетариата” и от контролируемого коммунистами Инт. Крас. Юнионов.”

Итеализируя большевистское правительство и его “революционность,” рабочие поражены крутым поворотом и бегу “форсированным маршем” большевиков под покров капитализма. Его торговые сделки и договоры с агентами капиталистических держав всех стран, его концессии капиталистам, его готовность принимать помощь и поддержку

империалистов Европы и Америки, не оставляют сомнения в том, что оно имеет общие интересы с ними, а именно: господство над массами тружеников и защита привилегированного положения паразитов.

Чичерин в своей статье, "Интернациональное положение Советской России," вполне подтверждает это: "Победители и побежденные, старые монархии, реакционные республики и революционные советы, — мы все пойманы кризисом, порожденным Мировой войной. Та же нужда: производить и есть — руководит политикой всех. Мы соединены общей заботой переустройства, как бы разны мы ни смотрели на нее, и эта первоначальная нужда порождает повелительное звено между советскими республиками и капиталистическими странами и служит необходимой основой для их неизбежной кооперации. Договоры уже связывают нас и другие свяжут нас еще больше. Мы делаем взаимные уступки в самых важных политических вопросах." Затем Чичерин добавляет: "Вынужденная необходимостью экономического переустройства, Советская Россия вступает, как установленное правительство, в общество существующих правительств."

Таким образом заканчивается комедия "революционного" правительства и продолжается трагедия трудящихся. Нужны ли еще большие обвинения, доказательства?

Нет! Большевицкая политическая революция не изменила даже и форм общественной жизни! Пауки, захватившие власть от имени пролетариата, снова опутали тенетами нужды и рабства трудовой народ России. Деспотическая власть царизма заменена фанатически-слепым диктаторством вождей большевиков.

"О равенстве и справедливости,"

водворенных декретами диктаторов в России, можно судить по следующим словам и табличке, приводимых Ганне-том: "В настоящее время существуют три главных рода пайков: дипломатический, полу-дипломатический и обыкновенный. Известные иностранные посетители (что подразумевает почти всех иностранных визитеров) получают 'дип' (дипломатический паек); ответственные работники (что подразумевает большинство рабочих в правительственных конторах, и фабричных рабочих в фабриках с высоким уровнем производительности) получают "полу-дип," а другие рабочие обыкновенный паек. Крестьяне кормятся из их собственных посевов..... Вот, например, три рода пайков, как они были распределены на бумаге в июне сего года в Москве, и действительный дипломатический паек, который, вдобавок к тому, что он был лучшим на бумаге, вероятно был ближе и к осуществлению, нежели другие:

Продукт	Обыкновен- ный	"полу- дип "	"дип."	"дип." на деле
Ситная мука или хлеб.	—	10	10	10
Черная мука или хлеб	30	35	35	35
Мясо — — — — —	7.5	15	30	10
Жиры — — — — —	1	2.5	.5	2
Молотая кукуруза — —	5	7.5	15	12
Сыр и т. п. — — — —	—	2.5	5	—
Сахар — — — — —	1	2.5	5	4
Макароны и т. п. — —	1	2.5	5	—
Соль — — — — —	1	1	1.5	1.5
Овощи — — — — —	30	30	45	10.
Сушеные фрукты — —	—	2.5	5	3
Приправа к кушанью —	—	1	2	1
Чай — — — — —	.25	.25	.25	.25
Кофе — — — — —	—	.6	1.25	1.25
Мыло — — — — —	1.25	1.25	3	—
Яйца — — — — —	—	30	60	—

Все цифры даны в русских фунтах и десятичными дробями. Сравните, сопоставьте эти цифры и все вам станет

понятно. Понятно станет, почему наши российские товарищи рабочие недовольны своей долей и участью, и бессильны производить много, даже и при потогонной системе большевиков.

Помогите, помогите! — стоном стонут рабочие, их жены и дети. Они голодают теперь, они голодали в продолжение веков, Всегда и всюду. Им нужна помощь. Им нужна не грошовая помощь филантропии, им нужна помощь запана, рабочие всего мира: помощь воссанием, помощь революцией, помощь

разрушением этого строя, где одни голодны, а другие пресыщены, помощь и совместная работа в устройстве свободного, счастливого и довольного будущего нового строя на развалинах старого.

Помогите, помогите! — рабочему и крестьянину России, который гибнет от недоедания и переутомления, который мрет с голоду в Поволжье и по всей России.

Помогите себе, вы рабы, и Вы можете им.

МАЛАТЕСТА О ДИКТАТУРЕ.

Гг Ред. Колл. — В виду законченной дискуссии двух товарищей о диктатуре, или об "организованном насилии", мы помещаем выдержки из известных нам статей товарища Малатесты о нашем понимании диктатуры и отношении к ней. С своей стороны, мы всегда были и будем противниками диктатуры в ее любой форме, и неоднократно высказывались по вопросу. Анархизм в своей сущности является отрицанием диктатуры, а организация насилия в какие-либо формы есть та же диктатура. Мы вынуждены употребить силу против насильников, ради своего скорейшего освобождения; сила же не есть насилие.

(Из журнала "Либерейтор", сентябрь, 1921, статья Нормана Матсона, "Анархисты в Италии").

Люиджи Фабри пишет из Кортиселла:

"Энрико Малатеста является совершенным противником "Диктатуры Пролетариата"; он остался таким и будет всегда таковым. Прилагаю письмо, которое он написал мне из Лон-

дона в 1919-ом году и которое пояснит его мысли"...

Дорогой Фабри!

"По вопросу, который так занимает вашу мысль, именно, "Диктатура Пролетариата", мне кажется, что мы фундаментально сходимся.

По этому вопросу, мне кажется, не может быть никаких сомнений между Анархистами, и фактически не было до большевистской революции. Анархия означает — "без-правительство", а потому, с еще большим резонансом, "без-диктаторство", ибо диктатура — это абсолютное правительство, без контроля и без конституционных ограничений.

Когда разразилась большевистская революция многие из наших друзей смешали то, что было революцией против ранее существовавшего правительства, с тем, когда новое правительство навалилось на революцию для того, чтобы разбить и разделить ее и направить по пути достижения целей партии... и, мало помалу, они сами стали большевиками.

В настоящее время, большевики являются по-просту марксистами, имеющими небольшое

разногласие с своими учителями и моделями, — Гездами, Плехановыми, Гиндеманами, Шейдеманами, Носками, которые покончили уже, как вы знаете, Мы уважаем их искренность, мы восхищаемся их энергией, но так как мы никогда не могли согласиться с ними по существу в теории, мы не можем соединиться с ними и в то время, когда они из теории переходят к практике.

Но может быть правда в том, что наши большевистствующие друзья подразумевают под выражением "диктатура пролетариата", просто революционное действие рабочих в захвате земли и орудий труда и попытку составить общество для организации такого рода жизни, где не было бы места классу, который эксплуатировал и угнетал бы производителей.

Понимаемая таким образом, диктатура пролетариата, была бы действительной силой всех рабочих, намеревающихся разрушить капиталистическое общество, и которое стало бы "l'anarchia" тотчас же по прекращении контрреволюционного сопротивления, и никто не покусился бы силой заставить массы подчиняться ей и работать на нее.

Тогда наше разногласие было бы только в словах... "Диктатура Пролетариата" означала бы диктатуру всех, которая, наверное, не означает диктатуры, так как правительство всех не является уже правительством ни в повелительном, ни в историческом, ни в практическом смысле слова.

Истинные сторонники диктатуры пролетариата не понимают слова таким образом, и ясно выказали это в России. "Пролетариат", естественно, входит здесь, как "demos" входит в демократические режимы, сказать иначе, просто с целью скрыть настоящую суть дела. В действительности видна диктатура партии, или скорее вожаков партии; и это есть истинная диктатура, с ее декретами, ее карательными законами, ее исполнительными агентами и, важнее всего, с ее вооруженной силой, которая служит сегодня "также" для защиты революции от ее внешних врагов, но которая назав-

тра послужит средством наложить волю диктаторов на рабочих, приостановить революцию, объединить новые интересы и, наконец, защищать новый привилегированный класс против масс.

Бонапарт тоже служил защите французской революции против европейской реакции, но защищая ее, он убил ее. Ленин, Троцкий и их товарищи являются, наверное, искренними революционерами — поскольку они понимают революцию; и они не изменяют ей; но они готовят правительственные паллиативы, которые послужат интересам будущих пришельцев на их место, которые, используя революцию в личную пользу, убьют ее. Они будут первыми жертвами их методов, а с ними вместе, я опасюсь, падет и революция. Повторится история; *mutatis mutandis*, это была диктатура Робеспьера, которая привела Робеспьера к гильотине и приготовила путь Наполеону.

Это мое общее понимание о положении дел в России. Так как новости, которые мы достаем из России, слишком противоречивы, чтобы на них основать свое суждение; возможно, что многие вещи, кажущиеся плохими, являются следствием положения, и что, при особенных обстоятельствах в России, нельзя было делать иначе, как было делано. Лучше обожждать, более всего потому, что, чтобы мы не говорили, мы не будем иметь особого влияния на развитие событий в России, а мы были бы дурно поняты, якобы повторяя намеренную ложь реакционеров.

Самое важное — это, что мы должны делать? Я далеко, и мне невозможно делать мою часть.

Энрико Малатеста.

ОТРЫВОК ИЗ СТАТЬИ Э. МАЛАТЕСТА В "ЮМАНИТА НОВА" (Милан) в авг. 1920 г.

"Но после победы восстания, после падения правительства, что надо делать тогда?..."

В противоположность Анархистам, многие

революционеры не имеют доверия к творческим силам масс; они считают себя владельцами непогрешимых рецептов для счастья всего света; они боятся возможной реакции; а может быть еще больше боятся конкуренции других партий и других течений общественного реформаторства и они хотят поэтому, обладать сами всей властью и заместить настоящее "демократическое" правительство диктаторским правительством.

Диктатуру они хотят; ну, а кто же будут диктаторами? Конечно, думают они, главари их партии! Они еще употребляют слова "Диктатура Пролетариата", или по привычке, или же из сознательного желания избежать ясных объяснений; но теперь это — уже освященная шутка.

Итак, мы оставим этот неправильный термин "диктатуры пролетариата", который ведет к многим заблуждениям, и будем говорить о диктатуре, каковой она есть на самом деле, т. е. абсолютном владычестве одного или нескольких индивидов, которые, при поддержке партии или армии, сделались хозяевами общества и налагают свою волю, "с насилием и террором" (Фраза употребленная социалистической газетой "Аванти").

Какова будет их воля, зависит от качеств тех, кто в каждом отдельном случае захватит власть. В нашем случае предполагается, что это будет воля коммунистов, значит воля вдохновляемых желанием общего блага.

Это уже несколько сомнительно, ибо, обычно, те, кто более всех способны захватить бразды правления не являются самыми искренними и самыми преданными друзьями народного дела; и когда массам проповедуется подчинение новому правительству, это значит только укачивание дорожки для интриганов и честолюбивых личностей.

Но давайте предположим, что новые правители, диктаторы, которые станут осуществлять цели революции, будут истинными коммунистами, полными рвения, убежденные, что от их работы и их энергии зависит счастье

человечества. Они могут быть людьми типа Торквемады и Робеспьера, которые, ради доброй цели и во имя частного или общего спасения, задушат всякий несогласный голос, уничтожат всякое дыхание свободной и самопроизвольной жизни, и все-таки, будут безсилы разрешить практические задачи жизни, которые они отнимут от компетентного разрешения самих заинтересованных партий; они, волей неволей, должны уступить дорогу тем, которые возстановят прошлое.

Главными оправданиями диктаторства являются ссылки на, якобы, неспособность масс и необходимость защиты революции от реакционных покушений.

Если бы массы были действительно бессловесным стадом, не могущим прожить без палки пастуха, если бы достаточно численное и сознательное меньшинство способное увлечь массы убеждением и примером уже не существовало, — тогда мы были бы в состоянии понимать взгляд реформаторов, которые боятся народного восстания и воображают, мало помалу, посредством небольших реформ, небольших улучшений, подрывать буржуазное государство и приготовить путь к социализму; мы были бы в состоянии понимать преобразователей, которые, умаляя влияние среды, надеются изменить общество, предварительно изменив всех индивидов; но мы на самом деле не можем понять сторонников диктатуры, которые хотят образовать и поднять массы "посредством насилия и террора", и, таким образом, пользоваться жандармами и цензорами, как главными факторами образования.

В действительности, никто не будет в состоянии установить революционной диктатуры, пока, предварительно, народ сам не сделает революции, показывая, таким образом, на деле, что он может делать ее; и в этом случае диктатура только наступит на шею революции, отклонит, задушит и убьет ее.

В политической революции, предлагающей только свержение правительства и оставляющей неприкосновенными все существующие

учреждения, диктатура может захватить власть, поставить своих людей на места свергнутых чиновников и организовать новый режим сверху.

В социальной же революции, когда все основы общественной жизни будут опрокинуты, где производство будет быстро восстановлено для пользы тех, кто работают, где распределение будет немедленно урегулировано согласно справедливости,—там диктатуре нечего делать. Или люди позаботятся о себе сами в различных общинах и промышленности, или же революция будет неудачей.

Страх реакции, которым пользуются для оправдания диктаторской системы, исходит из того факта, что они рассчитывают сделать революцию, позволив привилегированному классу, способному снова захватить власть, продолжать существование.

...Если же, напротив, начало будет сделано полной экспроприацией, тогда буржуазный класс не будет дольше существовать, и все живые силы пролетариата, все имеющиеся способности, будут использованы на переустройство общества.

В конце концов, в стране, как Италия, (приложив эти заметки к стране, в которой мы работаем), где массы проникнуты свободными и бунтарскими инстинктами, где Анархисты представляют значительную силу, благодаря влиянию, которое они оказывают и вне сферы своих организаций, покушение на диктаторство не может быть сделано без возбуждения гражданской войны между рабочими и рабочими, и не может осуществиться, не пользуясь самой свирепой тиранией.

...В таком случае, прощай, Коммунизм! ...
...Есть только один путь спасения: Свобода.

О Ф Е Д Е Р А Ц И И.

Федерацией обыкновенно называется союз самостоятельных и равноправных единиц с какой-либо общей целью. Федерация, как организация общественная, проводимая в жизнь еще в древней Греции, несмотря на повсеместное распространение римского права и вытекающей из него идеи централизованного государства, сохранилась в своей чистой форме в понятии анархистов.

В различных странах, мы видим, в государственном строении все еще проводится федералистическая идея: Соединенные Штаты Америки являются федерацией независимых во внутренних своих делах, так называемых, штатов; примеры федерации представляют из себя также и кантоны Швейцарии, провинции Канады и др.

В 1570-ых годах северные провин-

ции Нидерланд — нынешняя Голландия—восстав против франкского (французского) государства, тоже образовали федерацию, как форму организации в противовес централизму и милитаризму. Союз вольных городов Германии: Гамбурга, Бремена Любека и др., которые до сих пор сохранили свои вольности и входили в германский союз, как отдельные единицы, — также представлял тип федерации.

Это все — типы федераций в значительной мере изуродованные влиянием централистических государственных идей; в них существовало и существует центральное правительство, так называемое, федеральное. власть которого распространяется на все государство или республику в делах общих, но не вмешивается в местные дела штатов,

кантонов или провинций.

Но разве наша федерация имеет что-либо общее с федерациями, где есть правительства? Нет, мы хотим лишь подчеркнуть разницу свободной анархической федерации и государственной, централистической.

Мы, анархисты, понимаем федерацию в смысле строя общества, организации союза снизу вверх, где все группы, входящие в союз, свободны и равны, как бы малы или велики они ни были. Еще Годвин и Прудон представляли федерацию, как наилучшую форму слияния многочисленных групп будущего общества, а их последователь, Бакунин, бывший страстным сторонником федерализма, так рисовал картину строения общества в статье «Федерализм;» говоря, что оно должно быть: «организацией, не имеющей другого основания, как интересы, потребности и естественные влечения населений; ни другого принципа, как свободная федерация индивидуумов в коммуны, коммун в провинции, провинций в нации, наконец, этих последних, в Соединенные Штаты сперва Европы, а затем всего мира.»

В таком виде и духе представляется нам и организация Федерации Анархо-Коммунистических групп Соединенных Штатов и Канады, как самая высшая форма свободной ассоциации, которая берет свое начало с самых низов, т. е. строения групп. Каждый член входит в группу, как свободный и равноправный, как заинтересованный в той же цели, которую преследует группа, как ищущий просто кооперации сил. «Индивидуумы ассоциируются для того, чтобы наилучшим образом использовать свои силы — говорит Ж. Грав. (Б. Об. стр. 98).

Вся работа ведется обычно при добровольном согласии членов, каждый вопрос решается не голосованием и дав-

лением большинства на меньшинство, а обсуждается до тех пор, пока все не придут к соглашению; в случае же невозможности придти к соглашению, несогласные: или не принимают участия в проведении в жизнь обсуждаемого вопроса, или откладываются, если причины были достаточно вески.

Поэтому не может быть и раздора между членами группы по поводу принципиальных вопросов, а лишь разница во мнениях; и распри в среде членов групп большей частью бывают не из-за принципов, а просто на-просто, на почве неприязни и соревнования, а потому и нужно обращать внимание на подбор членов групп по симпатии и склонностям. М. Корн прекрасно выразила в статье, «Об организации» мысль о полной свободе действий каждого члена в группе словами: «принятое решение всегда обязательно только для тех, кто принимает его и с ним добровольно соглашается.»

Вся работа в группе временно распределяется, или же принимается добровольно, а в случае надобности составляется добровольный, или избранный комитет, который и выполняет намеченную работу. Успешность всей нашей работы, в настоящее время — пропаганды Анархо-Коммунистических идей, самым существенным образом зависит от устного и печатного слова. Не в каждой группе найдутся способные пропагандисты, тем паче не каждая группа в состоянии печатать книги и брошюры, или же издавать периодически журнал или газету; и потому, задавшись целью издать какую-либо книгу, группа ищет содействия других групп и заключает с ними союз в интересах этого общего дела. Группы комбинируются в различного рода ассоциации, считаясь всецело лишь только с успехом общей работы, своими склонностями, удобствами и т. п. Такого рода союзы групп, по

местонахождению, мы называем "районами." Для издания органа группы устраивают еще обширнейший союз и, предварительно столковавшись через своих представителей на конференциях и съездах о том, как им вести работу, определив направление органа, они поручают ведение работы по изданию органа более способной группе, или же избранному на конференции или съезде комитету, который мы, здесь, привыкли называть "Редакционной коллегией."

Редакционная Коллегия ведет внутреннюю и внешнюю сторону журнала, согласно наказам и своим личным взглядам, и тов. М. Корн вполне права, говоря: "Газета — выражение мысли той группы, которая ее издает" и разумно прибавляет: "своим органом ее могут считать только те, кто с нею согласен."

Члены всякой комиссии, комитета и Ред. Колл., свободны в своих действиях, но ответственны за порученную им работу; их инициатива не должна стесняться никем и ничем, коль скоро она идет в гармонии с общим планом работы и не вредит нашему движению. В свою очередь и никакой комитет, ни Редакционная Коллегия не могут выносить и навязывать группам какого-либо решения. Пока группы согласны с направлением органа и работой Коллегии, они оказывают моральную и материальную поддержку органу; если орган, или работа Коллегии не удовлетворяет какую-либо группу, то их товарищеский долг — выставить причины и указать в чем они расходятся, то каждая группа имеет полное моральное право требовать отзыва или удаления лица, лиц и даже всей Редакционной Коллегии. В случае невозможности улажения вопроса между двумя фракциями, он выносится на обсуждение всех групп федерации. Несогласным нет надобности

подчиняться мнению даже и всей федерации: они свободны и имеют явное моральное право выйти из федерации, и продолжать работу вне ее.

Там, где сил много, они без ущерба для движения могут дробиться, издавать несколько органов и всесторонне освещать жизненные вопросы, наш идеал, нашу цель и тактику; но там, где сил мало, даже и для издания одного органа, где анархическое движение настолько слабо, что едва может поддерживать одну газету или журнал, — издание однородного же органа или газеты грозит гибелью всему движению, там товарищам надо сплотиться и, устранив личные трения, раз нет принципиальных расхождений, работать совместно.

Итак, устранив всякий элемент централизма из нашей организации, мы строим ее от самого простого: одной личности, одной группы и доходим до такого же простого, но совершенного, построения — Федерации районов и групп, с сохранением свободы мнений и действий всех отдельных товарищей и групп.

В этом и заключается мощь и привлекательность нашей организации, ибо она, уже в настоящем строе, стремится удалить всякий элемент насилия и принуждения и вызывает к самым лучшим думам и чувствам всех ее членов и нечленов.

Разумный и свободный человек должен помнить, что, пользуясь свободой он не должен вредить другим. Свобода налагает на индивидуума ответственность за его действия: за порученную и принятую им работу перед поручившими, за свою личную перед самим собой.

Пусть же живет, растет и ширится наша свободная федерация до тех пор, пока она не обоймет весь мир.

ВИД.

ВОЗМОЖЕН ЛИ АНАРХИЗМ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ?

Правильны ли мы понимаем идеал?

Очень часто у людей, не имеющих подвижной критической мысли, понятия складываются в известный порядок и застывают в таком виде, и люди с этим так свыкаются, так сродниваются, что незаметно для себя становятся односторонними. А односторонность, как известно, плоскость скользкая: стоит лишь немного уклониться в сторону от воображаемой "правильной точки понятий", и перед глазами открывается пустое пространство, заполнить которое нечем. События захватывают их врасплох, неподготовленными... а отсюда до разочарования, один шаг.

Замечается подобное явление и между анархистами. Многие товарищи, первое время, являются довольно преданными идеалу и энергично работают над его осуществлением; целесообразность идеала им настолько очевидна, что они не допускают никакой критической мысли по поводу того или иного толкования вопроса. Но вот, проходит некоторое время, на пути встречаются препятствия, энтузиазм товарищей заметно охлаждается, опускаются руки... То, что казалось вне сомнений, становится маловероятным.

Почему же это так? Где причина?

Причин здесь очень много, и главная из них — неправильное понимание идеала. Корнем зла в этом деле, прежде всего, является вся нынешняя система. Положение рабочего в существующем строе настолько печально, что рабочий, даже инстинктивно, ищет выхода из невыносимых условий; и чем ни выше его классовая сознательность и сознание своего человеческого достоинства, — тем настойчивее искание исхода. Если возможность выхода покажется рабочему в каком-либо "изме", то он

этот "изм" до того ценит, до того обоготворяет, что возносит его в культ религии. Как религия богобоязненному человеку кажется чем то слишком высоким, слишком чистым, в сравнении с его "грешной душой", — так и "изм" кажется рабочему слишком красивым, слишком возвышенным, чтобы "конаться в нем своими мыслями". Не малую роль тут играет и рабочее воспитание рабочего, т. е. внушение ему с самой колыбели его "никчемности".

Эти "измы", чисто казенного характера, стараются показывать себя рабочим лишь издали, правильное говоря, показывается только форма, а самое содержание остается достоянием немногих избранных с "высшими понятиями"; и рабочему, действительно, в таком случае ничего не остается, как только, скрестья руки, благоговеть перед этим "измом".

Но один из общего числа "измов" — анархизм, в отличие от казенных "измов", является общедоступным каждому труженику, без различия степени его умственного развития. Каждый рабочий, вполне свободно, как в бесплатный музей, может вникать и входить в сущность анархизма, детально исследуя и взвешивая каждую сторону вопроса и делая выводы и заключения на основании своих понятий. Здесь не должно быть веры прежде исследования, выражаясь языком современной терминологии; на языке же анархизма это значит: анархист не может верить в то, что ему непонятно. Было бы, быть может, очень великолепно воспринимать не думая идеал, если бы это не способствовало зарождению слепой веры, которая, увы! — очень и очень вредна, ибо превращает человека в фанатика, недоступного никаким веяниям извне. Анархизм — не метафизика и не религиозный фа-

натизм, которые можно строить в воздухе или по ту сторону гробовой доски; анархизм — реальность, а потому и должен опираться на жизнь, при том, на такую жизнь, каковой она есть на деле. От жизни, как бы несовершенной она ни была, отрываться нет возможности, хотя бы потому, что человек имеет желудок, обслуживать который иллюзиями нельзя. Нет сомнений, что человек живет не ради одного желудка, что у него имеется и духовная сторона жизни: науки, музыка, искусства, развлечения и т. п. — красоты жизни; но при наличии пустоты в желудке, как это ни печально, все красоты жизни, а вместе с тем и сам человек, могут погибнуть.

Поэтому то и приходится самый красивый, самый благородный идеал сочетать с уродливой действительностью; разумеется не для того, чтобы красота идеала меркла в омуте действительности, а для того, чтобы действительность стала красивой, чтобы идеал стал действительностью. Красота идеала должна быть не только в отвлеченной форме, — нет, она должна озарять своим светом все те условия, в которых человеку приходится вращаться. В таком случае понимание идеала будет равносильно пониманию жизненных условий — правильное — пониманию самой жизни. Понимание жизни, в полном смысле этого слова, это и есть идеал анархизма.

Несмотря на то, что это все очень ясно и понятно людям ученым (ученые не могут не чувствовать правоты анархизма, но в большинстве случаев, ставя личные интересы выше общественных, они — за малыми исключениями — не могут выступать в защиту последнего; под давлением капитализма, да и на основании науки, ученые давно бы уже доказали невозможность анархизма, но они не в состоянии этого сделать), но рабочим, лишенным часто самых элементарных знаний, а иногда и совсем безграмотным, понимать жизнь во всех ее проявлениях — задача довольно трудная, вследствие чего и всестороннее понимание идеала сопряжено с значитель-

ными затруднениями. Но сами жизненные условия толкают рабочих к знакомству с идеей анархизма и, в то же время, быть ее носителями. Стоит только рабочему прочесть брошюру об анархизме, как он удивленно начинает видеть все в ином свете, правдивом свете, и становится последователем идеи, изучая ее во всех проявлениях. В его чувствах вскрывается какая-то рана; воскресают все боли, причиненные существующим строем; рабочий начинает видеть, как нагло он эксплуатируется и угнетается на каждом шагу; как попирается его человеческое достоинство — он всецело об'ят нетерпеливым ожиданием крушения существующего порядка, — он жаждет революции!

Какие последствия ожидают его за рубежом революции, об этом рабочий обычно мало задумывается; ему кажется, что стоит только провести революцию, осуществить идеал анархизма, — и все будут довольны всем. Но откуда это довольство может вытекать, опять таки, мало известно. Многие предполагают, что довольство явится, как результат экспроприации имеющихся богатств, что, как только имущество капиталистов перейдет в руки рабочих, они окажутся всем обеспеченными, и каждый может отдаться своим, чисто личным стремлениям, никого не тревожа и никем не тревожимый. Такое понимание идеала, при первом его применении к действительности, кроме разочарования, ничего другого принести не может. Переступив порог революции, общество, вместо довольства, скорее всего ввергнется в об'ятия нужды, ибо революция, как акт разрушения, неизбежно не может обойтись без нанесения материального ущерба богатствам общества; строение же человека, т. е. организм — неизменяем: как до революции желудок каждого человека требовал хлеба, воды, соли и других питательных веществ, — так и после революции он будет требовать того же.

Манна с неба не будет падать, которую бы каждая личность вполне индивидуально могла собирать и питаться ею; придется суро-

вой борьбой и тяжелым трудом преодолевать нужду, придется работать и работать самым усиленным темпом при ощущении самых существенных недостатков. Единственным утешением будет тот факт, что все в равной степени нуждаются, нет пожирающих вашу долю паразитов. Русская революция дает нам наглядный пример разрухи и неравенства, которое ведет к еще большей разрухе.

Некоторые товарищи, понимающие идеал "по книге", при сопоставлении его с действительностью приходят в тупик; а из тупика недалеко и к выводу, что столь светлый идеал, как анархизм, не может осуществиться в столь грязной действительности. Но как бы чист идеал ни был, нельзя забывать, что применяться в облаках он не может, а должен осуществиться на земле, в самой обыкновенной жизни и, возможно, при наличии многих недостатков общества. Очень ошибочно думать, что когда настанет время осуществления анархизма, общество будет идеально. Эволюция общественной мысли, под давлением ложного понимания вещей, идет к эмансипации очень медленно, в то время, как события все более и более вынуждают эксплуатируемых на борьбу с эксплуататорами. Социальная революция не станет ждать полного идеализирования общества (да и нужна ли она в идеальном обществе?), да и мыслимо ли, чтобы общественная мысль в капиталистическом строе дошла до полного отрицания этого строя, иными словами говоря: чтобы "верхи" нынешнего строя допустили очевидную свою гибель?

Да и что же такое, наконец, идеальное общество?

Идеальный строй некоторым представляется в виде общества, состоящего из личностей, напоминающих собою ангелов: незлобивых, чуждых грубости и проводящих жизнь в "веселом песнопении". Спорить не приходится, что с уничтожением ложных условий жизни, психология общества значительно изменится к

лучшему, но нельзя уподобить ее стакану с водой, который легко опорожнить и вновь наполнить.. молоком. Психология общества не поддается никакой регламентации, но в то же время находится под давлением окружающих обстоятельств. При обстоятельствах, обоснованных на лжи — ложна и психология общества; при обстоятельствах, обоснованных на справедливости — справедлива и общественная психология. Следовательно, вся суть в изменении обстоятельств: изменятся обстоятельства — изменится и взгляд на вещи. Это и будет идеальный строй.

Но жизнь остается жизнью: она по прежнему шумным потоком будет стремиться вперед, встречать на своем пути новые преграды, злобно ударяться об них; отскакивать, опять рваться вперед и т. д. Жизнь не может остановиться, замереть — следовательно, и в будущем обществе будут грохотать поезда, дымиться заводы, рейсировать пароходы, шмыгать автомобили, летать аэропланы; по прежнему будут мычать коровы, хрюкать свиньи, кудахтать куры, лаять собаки; люди так же будут смеяться, скорбеть, петь, думать, говорить, кушать, спать, одеваться, ходить, ездить, работать — а не жить жизнью отшельников, которым вороны приносили бы хлеба и мяса. Если же сюда прибавить школы, университеты, искусства, книги, и т. п. — тогда станет ясным, каково будет идеальное общество. Изменится внутреннее содержание, изменятся все взаимоотношения, значительно украсится внешняя сторона жизни, но все, что есть на поверхности земли никуда не денется. Вместо отчужденности, вместо интернированности каждой личности, общество будет представлять самую тесную организацию: братскую семью, живущую в полном мире и согласии, где труд каждого доставляет благо всем.

Анархизм и русская революция.

Мог ли бы существовать Анархизм в настоящее время в России? — вот вопрос, который задают себе очень многие, как сторонники, так и противники Анархизма. Большевизм, думают некоторые, — это станция, находящаяся на пути от рабства к свободе; и если, революция в России, пройдя только полпути, не могла удержаться и вынуждена была возвратиться на старые позиции, — тогда что же могло бы случиться с ней, если бы она прошла весь путь, т. е. дошла бы до Анархизма?

Большевизм, как идея интеллигенции, главным образом рассчитывает на государственный аппарат; Анархизм же, как идея рабочих, опирается на труд. Поэтому, приписывать им обоим возможности неудачи одного и того же характера — более чем неправильно: то, что одному из них может угрожать гибелью — другому может быть вполне безопасно. Например: присущий большевизму государственный паралич ни в коем случае не опасен анархизму, а даже совпадает с его целями.

Один лишь факт, одинаково угрожающий как большевизму, так и анархизму, на который необходимо обратить внимание, — это мировой капитализм. Большевизм разного рода компромиссами приближается к миру с мировым капитализмом: выйдя победителем из борьбы политической, он оказался побежденным в борьбе экономической. Россия оказалась без хлеба, без вагонов, без топлива, без жилищ и т. д. Все остановилось, все замерло. Как будто разбежавшиеся царисты и капиталисты захватили с собой все то, чем Россия жила, дышала, питалась. С одной стороны на нее грозно смотрела разинутая пасть голода, — с другой — капитализм со всеми продовольствиями манил к себе.

В деревне было немного хлеба, но не было его у большевиков, т. е. у правительства, а следовательно и у городских жителей, так как продовольствование городов всецело находится в руках правительства.

Крестьянина, как и всякого человека, нельзя назвать ни добрым, ни злым. В силу сложившихся обстоятельств крестьянин — материалист, и требования его за свой продукт нужных ему соли, лопат, кос, ситцу и т. п. предметов первой необходимости — вполне справедливы. Спекулянты предлагали ему деньги, за которые он ничего не мог достать, а правительство прямо забирало от него хлеб почти без всякого вознаграждения, так как считало себя полным хозяином земли, а крестьянина ни больше, ни меньше, как арендатором. Подобное обращение сильно возмущало крестьян, и возмущение местами доходило до открытого восстания: вооружившись вилами, дубинами, топорами и кое-какими винтовками, крестьяне защищали свое добро; а чтобы не было чего реквизируют у них — старались засеять как можно меньше земли. Старания правительства манифестами, посевными неделями и т. п. средствами побудить крестьян к большим посевам, не приводили ни к чему; даже, если бы и была засеяна большая площадь, то и тогда город голодал бы, ибо не имел чего дать взамен хлеба крестьянину, а давать и давать, ничего не получая, при денежной системе и частной собственности, нельзя было ожидать и от ангелов даже.

Убедившись в своей ошибке, правительство предприняло некоторые реформы в отношении крестьян: разверстку заменило продовольственным налогом, разрешило частную торговлю, но все это мало изменило положение дел, ибо платить налоги и вести "торговлю" было нечем.

Будучи землевладельцем, большевистское правительство является, в то же время, и крупным промышленником. Его сущность, как промышленника — сущность самого обыкновенного треста. Оно располагает огромным числом фабрик, эксплуатирует значительное количество рабочих, а потому, как и любой трест, старается контролировать как внешний, так и внутренний рынок.

Оно входит в сделки с капиталистически-

ми державами, совсем не ради спасения страны или революции, а из чисто личных выгод, ища собственной безопасности. Да и может ли капитализм мира спасти Россию? Если в России нужда и недостатки являются следствием разрыва с иностранным капитализмом, то в Польше, Чехословакии, Латвии, Эстонии и других странах, не порвавших, а пользующихся поддержкой капиталистов Европы и Америки, — не должно бы быть и помину голода. Так ли это на самом деле?

Посмотрим, что бы было при существовании в России Анархизма?

Прежде всего возникает вопрос: не был ли бы анархизм раздавлен мировым капитализмом? Этот вопрос — надо признаться — часто вводит многих товарищей в сомнение, хотя ответить на него очень легко. Как известно, капитализм очень мало разбирается в отличии анархизма от большевизма (по крайней мере до настоящего времени) и методы борьбы его против того или другого были бы одинаковы. Большевизм, в кровавом поединке, с капитализмом, был бы неизбежно раздавлен, если бы не горячий энтузиазм и стремление к свободе российского пролетариата, если бы у рабочих капиталистических стран не пробудилась (хотя и небольшая) братская солидарность, которая не мало способствовала оттягиванию занесенного над русской революцией меча капитализма. Идеи Анархизма возбудили бы еще большую солидарность и энтузиазм, благодаря их неподдельной чистоте и искренности; что и дает нам полное право полагать, что анархизм из политической борьбы вышел бы также победителем; а контр-революция домашняя была бы еще скорей и основательней подавлена вооруженными рабочими и крестьянами на местах. Следовательно, осталась бы только борьба экономическая, и перед анархизмом предстали бы два исхода: 1) сдаться капитализму, как это почти сделал уже большевизм и 2) блокаде противопоставить блокаду, открыто объявить войну капиталистическому миру. Несомненно, что анархизм из двух выбрал бы последнее; в

противном случае, как говорится, не стоило бы и огород городить.

Если рабочие, действительно, не могут обойтись без капитализма, — тогда зачем бороться, зачем выходить на баррикады, зачем кровь лить?... Неужели для того, чтобы опять преклонить колена перед своим исконным врагом? Нет, мы прекрасно знаем, что не может быть Социальной Революции только в одной стране, и бескомпромиссное и вызывающее отношение к врагам рабочего класса, блокада их разрушающегося хозяйства, — несомненно вызвали бы мировую революцию.

Тем анархизм и отличается от других "измов", в том числе и от большевизма, в том и заключается его мощь, что он предоставляет полную самостоятельность восставшим массам во время и после революции. Рабочие, укрепленные верой в самих себя, не полагающиеся ни на кого другого, не падают духом даже при самых ужасных лишениях, будучи уверены в целесообразности своей цели и действий.

Этого как раз и не достает русской революции (исключая ее первую стадию), ибо там все делается по декретам, из-под палки, под наблюдением куражающихся своим "пролетарским чином" чиновников с кокардой (в данном случае — красной), на фуражке. Там рабочие, как и в капиталистическом обществе, не посвящены в тайну своей деятельности, а являются лишь слепой физической силой, что, конечно, способствует развитию еще большей косности и апатичности в их рядах. На фабриках и других правительственных предприятиях рабочие хранят навык чисто капиталистического характера: провести как-либо положенные рабочие часы, или же урвать часть времени для своих личных нужд; да и не удивительно: паек, получаемый рабочими от правительства в качестве вознаграждения за свой труд, не обеспечивает ему существования, и рабочему, по-неволе, приходится дорабатывать со стороны и быть экономным в трате своей энергии (истощенные до невозможности худ-

шими пайками, рабочие не могут иметь много энергии).

Совсем иначе обстояло бы дело при осуществлении анархизма. Тогда рабочие, являясь равными участниками в производстве и потреблении, не стали бы проводить время зря, а старались бы достичь максимума в производительности, напрягая усилия на выделку самых нужных обществу предметов потребления. За недостатком сырья в одном производстве, рабочие перешли бы в другое, или занялись каким-нибудь новым производством, переходя с полей в фабрики и обратно, если нужда будет велика; работ же после революции будет очень и очень много, и успешное выполнение ее зависит не от государственных чиновников, а от самодеятельности рабочих масс.

Еще проще дело обстояло бы в деревне. Сейчас же, после экспроприации земли, лошадей, семян и сельскохозяйственных орудий у помещиков и кулаков, если не окажется препятствий со стороны природы, крестьяне могли бы весело пахать и сеять, не боясь, что у них насильно отнимут хлеб чиновники и солдаты враждебного им государства. В свободное от полевых работ время крестьяне не сидели бы сложа руки, а миром починили бы ухабистую дорогу, провели новую, выкорчевали бы кусок нови, прорыли бы каналы для осушения низменности, перебросили бы мост через речку, построили бы мельницу, кузницу, кирпичный завод и т. д.

Программа обстроения деревни оказалась бы настолько обширной, что и городские рабочие могли бы применить там свою силушку и, таким образом, обеспечить себя куском хлеба на правах сотрудников.

Возникает вопрос: почему большевики так не поступили, неужели они этого не могли учесть? Ответ ясен. Большевистское правительство, как промышленник, нуждается в кадрах бездомных пролетариев, для прокормления которых, плюс плеяды комиссаров-чиновников, оно, как землевладелец, требует аренду, в ви-

де налогов, а раньше не стеснялось просто силой брать у крестьян все, что ему было нужно: нужен был хлеб — реквизировался хлеб, нужны были лошади или скот, — реквизировался скот и лошади, нужны были люди — насильно гнали людей и т. д. и т. д. — все насильно, все по приказу.

Вся революционность правительства расплылась, и из-под шапки бывших революционеров выглядывают зверские, хищные лица насильников.

Анархизм, вызывая к жизни творческую энергию и инициативу трудящихся, уничтожая в корне частную собственность с ее денежной системой, сделав все общим достоянием, покажет крестьянину, что он может брать из общего склада общества все, что ему нужно, а если чего-либо не хватит, то, имея орудия производства под рукой, ничего не останется иного, как приступить к выработке необходимых предметов. Полное равенство и возможность городских рабочих работать на земле, а крестьян на фабриках, сотрет всякое различие в труде одного и другого и, вместо вражды, посеет любовное сотрудничество и братство.

А потому не может быть и сомнения в том, что Анархизм не только возможен во всякое время и всюду, но и необходим.

Автономов.

ЗАЯВЛЕНИЕ:

Ред. Колл. получено письмо из Польши от тов. Бор—ки, бывшего секр. федерации, в котором он описывает его поездку по России.

Он желал бы приехать сюда, но не имеет средств. Кто хочет и может помочь ему, может получить его адрес от Ред. Колл.

За неимением места, письмо не могло быть помещено в журнале.

« НЕВОЗМОЖНО » !

Невозможно! Это крик слабых, рычание реакционеров, выкрики буржуазии лицом к лицу с видением Общества Будущего. Невозможно! Невозможно! Невозможно!

Скажите им, что никто не имеет права взять себе часть богатств произведенных тружеником; скажите им, что земля — естественная собственность всего человечества; скажите им, что полиция, солдаты, чиновники являются лишь пиявками, которые живут не производя ничего полезного и не внося ничего в радости жизни; скажите им, что тысячи и тысячи человеческих существ, замкнутых в настоящее время в тюрьмах — просто жертвы плохой общественной системы; скажите им все это и они назовут вас богохульником, злодеем, преступником и всяким другим именем, на которое только повернется их язык.

Всетаки, вне всякого сомнения, мы говорим правду; и, будучи уверены в этом, мы направляем все наши удары в самое сердце старой общественной системы. Мы не теряем времени на аттаки поверхностного, — мы спускаемся на самое дно.

Что могло бы, действительно, казаться невозможным, так это то: как жили так долго рабочие, не понимая того, что они рабы? Что действительно кажется невозможным, так это, почему рабочие не сбросят ярмо с своей шеи?

Но нельзя винить рабочих, или, по крайней мере, винить всецело. Действительные виновники — это политики, которые убаюкивали рабочего видениями улыбающегося будущего, достигнутого простым средством подавления голосов. Время продемонстрировало, что если и есть что-либо невозмож-

ное, так это достижение экономической свободы посредством голосования.

Посмотрите список наций, в которых народ пользуется правом голоса, и исследуйте условия, в которых живет их население. Вы сразу увидите, что голосование нисколько не повлияло на улучшение условий. Напротив, из года в год, нищета растет повсюду; год за годом, тысячи и тысячи рабочих выбрасываются с работы; из года в год, население гарнизонов (армия) увеличивается в истинно поражающих размерах; из года в год все больший процент женщин обращается к проституции; год за годом растет количество самоубийств; год за годом борьба за существование становится все тяжелей и трагичней, и человечество делается все более несчастным, несмотря на избирательное право, вопреки представительному правительству, вопреки прогрессу, на который заявляет притязание, так называемая, демократия.

Нет! Мы не верим в возможность политических реформ и безрассудного оппортунизма, в их целесообразность; но мы уверены, мы знаем одну единственную возможность освобождения трудящихся. — Социальную революцию, экспроприацию земли, машин и всех богатств всего мира в пользование трудящихся и только трудящихся; мы знаем возможность общества равных, общества свободных от насилия и эксплуатации, общества сотрудничающих на добровольном соглашении и взаимном уважении свободы один другого — общества Анархистов Коммунистов.

Вперед же, товарищи! “Земля и Воля!” — пусть будет клич восставших рабов. Нет ничего невозможного!

Р. Ф. М.

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ДЕЛАЛИ РЕВОЛЮЦИЮ?

Пошло—обыденно замирает вечер. В первый раз солнце, в ленивом настроении, не позаботилось раскинуть, поперек горизонта свою золотистую гриву, очевидно испытывая отвращение к мелочности людей, которые убивают один другого за мелочи и, как жалкие черви, страдают из-за и наслаждаются мелочами.

Вдоль по пыльной дороге, сам весь покрытый пылью, шагает пожилых лет человек. Длинно должно быть был его путь, судя по усталости, отражающейся на его лице, судя потому, с каким трудом он подвигается вперед. На плечах его — ранец, заключающий в себе, может быть, грубую бумажную рубашку и пару порванных штанов. Это солдат Красной Армии, возвращающийся домой.

Человек идет, идет и идет, задумчиво оглядывая рассеянные по равнине поселки, населенные мужчинами и женщинами, трудящимися в их вечной работе, одетыми в самые простые одежды, с печалью и отчаянием начертанными на их загорелых лицах. Эти люди трудятся, одеваются и кажутся такими же, как и до революции.

Революционер останавливается, оглядывает картину и спрашивает себя: “Для чего мы делали революцию?”

И он продолжает свой путь к деревне, где живут его близкие; где его жена и сыновья должны нетерпеливо ожидать его после такой долгой отлучки.

Постепенно дорога погружается в тень. Мимо него проходит группа рабочих, которые идут с таким же безу-

частным видом, усталостью и даже негодованием, как наблюдалось и до войны, до революции, — из чего наш путник заключает, что они страдают, как и раньше, и также несчастны.

Революционер оглядывает группу и спрашивает себя: “Для чего мы делали революцию?”

И снова продолжает свой путь к деревне, где живут его близкие; где его жена и сыновья должны нетерпеливо ожидать его после такой долгой отлучки.

Дай собак предвещает близость деревни, поглощенной полной тьмой. Ветер всхлипывает промеж ветвей ясени по бокам дороги. Наш путник все идет, идет и идет, думая о своем семействе...

На следующий день революционер должен взяться за плуг, как и другие соседи, дабы иметь что есть на завтра; ибо, хотя на месте президента и Ленин, но несчастные остались несчастными, и бедные все еще унижаются богатыми и властями.

Революционер раздумывает и спрашивает себя: “Для чего мы делали революцию?”

Изнеможенный усталостью, он возвращается к своей хижине, которую он достиг еще прошлой ночью. На ужин у него: хлеб, картофель и вода. Собака позевывает около огня; сверчки в щелях распевают любовные песни; дети спят, едва прикрытые лохмотьям.

“Кто выиграл?” — спрашивает его жена, которая до сего времени, обрадованная возможностью еще раз обнять своего товарища, не имела времени

спросить вопроса. После минутного размышления революционер ответил:

“Конечно, мы выиграли!”

“Но у тебя нет ни гроша?”

“Пусть так, но все-таки мы выиграли: мы подавили контр-революцию и отразили иностранных хищников.”

“Но мы опять таки остаемся внизу, на дне, как и всегда” — говорила женщина.

Революционер почесывает свою голову, не зная, что сказать, и тихо спрашивает себя: “Для чего мы делали революцию?”

“Когда ты присоединился к революционерам, у тебя было немного денег, у тебя было небольшое хозяйство, была и одежка, было оружие, — а теперь у тебя нет ничего. Почему это, раз ты один из тех, кто выиграли?”

Революционер скребет свою голову, не зная, что ответить. Он знает, что его вожди имеют хорошие места: Ленин президентом, Троцкий — командиром и многие другие, которые даже и не сражались в революции, которые совсем не принимали участия в революции, имеют теплые местечки комиссаров; у него же, как и у всех “рядовых,” нет ничего, кроме разоренного гнезда. Тогда, вспоминая трудные дни маршировок, усталость и боль всего тела, муки голода и холода, безчисленные павшие жертвы, голод и наготу, от которых страдала его семья в его отсутствии, — он чувствует как сжимается его горло и еще раз тихо спрашивает сам себя вопрос: “Для чего мы делали революцию?”

“Для чего мы делали революцию?” — спрашивает женщина; революционер, удивленный совпадением думы жены с

его собственной, не может более сдерживать негодование, кипящее у него в сердце и громко восклицает:

“Революция была сделана для проныр, которые хотели править нами; для тех, которые хотят жить чужим трудом. Мы упрямо отказывались слушать Анархистов которые, при каждом удобном случае, говорили нам: не следовать слепо за вождями, а захватить землю, водопроводы, леса, копи, фабрики, заводы, пути сообщения, — сделав все это общей собственностью жителей России, и совместно принимая участие в производстве и потреблении. Они говорили нам, что сражаться за возвышение к власти одних лиц вместо других — преступно и не изменит дела. Мы не хотели слушать их, ибо они бедны, потому что они из нашего же собственного класса; и, как говорится, грех принести и наказание. Мы заслуживаем этого, ибо мы не хотим прозреть, не хотим понять... Да, наши вожди живут теперь широко, в то время, как мы, пушечное мясо, которые действительно сражались и грудью стояли перед врагами; — мы теперь еще несчастнее, чем раньше....”

Звуки рожка вывели Ивана из оцепенения. Он проснулся и, с удивлением оглянув грязную и мрачную и сырую внутренность палатки, своих истомленных товарищей красноармейцев, мрачно потупив голову, замолк. Иван уже больше не кричал на собраниях: “Да здравствует Ленин! Да, здравствует Троцкий!” — он думал, что и он должен пользоваться свободой и довольством.

— 0 —
(Переделка статьи, Р. Ф. М.)
— 0 —

МАЛАТЕСТА ОСВОБОЖДЕН.

— 0 —

Пробыв в тюрьме девять месяцев, Малатеста и Армандо Борги, были представлены на суд в Милане и... "оправданы". Обвинение, которое включало вначале более семидесяти пунктов, было сбавлено в последние минуты до одного простого обвинения в нарушении закона. Тем временем, конечно, этим длительным заключением правительство достигло своей главной цели; сказать проще, во время сильных волнений оно убрало с пути двух могущественных агитаторов. Теперь же, когда опасность немедленной революции очевидно прошла и настала пора общего разочарования, их освободили.

Малатеста сказал короткую и простую речь, которая, кажется, произвела глубокое впечатление. Коснувшись вкратце его продолжительного и деятельного прошлого, он случайно упомянул, что будучи в тюрьме, он отпраздновал 55-ую годовщину своего первого ареста. Он описал бесчисленные затруднения, которые окружали его возвращение в Италию, куда он был в конце концов провезен контрабандой, и оказанную ему триумфальную встречу.

"Правительство", говорил он, "не существовало, и Революция, хотя еще и неосуществленная, была неизбежна". Те, которые подчинялись закону, могли быть скорее подсчитаны, нежели те, которые нарушали его; все тюрьмы страны не могли бы вместить последних. При таких обстоятельствах ему не нужно было возбуждать массы; и "хотя революционер в обоих, философском и историческом, смыслах, народник и повстанец," его роль в то время была попыткой так направлять движение, дабы избежать напрасных жертв. "Я всегда говорил пролетариату," прибавил он, "что

революция приближается; и, если правительство атакует вас, — защищайтесь. Я протестую против обвинения в возбуждении классовой ненависти. Классовая борьба есть полезное и необходимое явление. Все, кто желают добра бедным присоединяются к этой борьбе... Мы, Анархисты, не за диктатуру. Напротив, мы против нее, ибо мы желаем, чтобы все люди работали, как братья для общего блага."

На следующем заседании Малатеста сделал специальное заявление по поводу взрыва бомбы в Диана театре, в Милане, в которой он протестовал против "работы сумасшедшего", которую приписывают Анархистам, по всегдашней привычке полиции. По правде, если бы власти, или слишком возбужденная публика с минутку честно над этим бы подумали, то нелепость такого обвинения стала бы очевидной. Все Анархическое движение работало ревностно над освобождением заключенных, и, наверное, в такой момент, как этот, ни движение и ни какой либо член его не стали бы делать поступка, который рассчитан на возбуждение общественного мнения, против обвиняемых.

Что нужно сказать по поводу всего этого проявления насилия, по нашему мнению, точно следующее:

"Вы, вы у власти, которые управляете колесницей, беспощадно давящей массы под ее колесами, должны ожидать этого. Вы должны ожидать это, потому что вы сами по обыкновению совершаете убийства в самых гигантских размерах. Вы ничего не думаете об избивении миллионов в войнах за удержание или увеличение ваших собственных богатств и власти. Вы ничего не думаете о морении голодом других миллионов теми блокадами, которыми вы пользуетесь, как самым действительным

средством ведения войны. Вы не переставая следуете этой тактике даже в, так называемые, мирные времена, ибо оружие, которым вы держите рабочего под вашей пятой, всегда — Голод. Поэтому вы производите массовую нищету и лишения, которую нельзя ни охватить мыслью, ни описать ни пером, ни языком, — массу ненужной нужды, творимую вашей собственной жадностью, — и из этой массы нужды вырастают Мстители. Если они бешено обрушатся на вас, то только потому, что вы, унизив их до беспомощности своим ненасытным самолюбием, довели их до безумия. Если же, работая в более широком и разумном масштабе, они задумывают и готовят революции, — так это потому, что ваш тупой и неразумный эгоизм сделал завершение действительной и полной, успешной революции, в

настоящую замечательную эпоху, первой необходимостью индивидуальной и общественной жизни.

Это, кажется нам, и есть урок не только взрыва в Диана театре, но и настоящего положения в Италии и всюду. Мир не может продолжать жить при существующем неравенстве, и не должен, если может. Он погружается все глубже в болото рабства; он должен обратиться из этого болота, во что бы то ни стало, или погибнуть. Многие, не называющие себя Анархистами, и даже не знающие, что они Анархисты, думают сегодня точно так же. Наша собственная специальная задача, — провозглашать смело все так, как мы его видим.“

Из "Фридом".

НЕ ПРОКЛИНАЙ.

Не проклинай! К чему проклятья?
 Не надо лишних жалких слов.
 В неволе стонут наши братья —
 Слова не сбросят их оков.
 И не молись. Слова молитвы
 Не тронут каменных сердец;
 Когда настало время битвы,
 Не бог нам нужен, а боец.
 Борис! В борьбе найдешь ты право
 Под черным знаменем труда,
 Коль победишь ты, — честь и слава;
 Погибнешь, — мертвым нет стыда.
 Иди вперед спокойный, твердый,
 Навстречу радостной мечте,
 Завет собратий помня гордый:
 “Иль со щитом, иль на щите.”
 Пускай вокруг гремят проклятья,
 Но ты иди вперед, вперед,
 Куда зовут на битву братья
 За Землю, Волю и Народ!

0.

ВОЗРАЖЕНИЯ АНАРХИЗМУ

(Продолжение)

Джордж Баррет.

Номер 11-ый.

Если при Анархизме два человека захотят один и тот же кусок земли, как уладите вы их спор?

Прежде всего будет хорошо отметить здесь, что вопросы: 11-ый, 12-ый и 13-ый, принадлежат все к одному отделу. По крайней мере номер 11-ый основан на заблуждении. Если найдутся два человека представляющих исключительное право на одну и ту же вещь, — вполне очевидно, там не может быть удовлетворительного разрешения вопроса. Не имеет решительно никакого значения, какую бы систему общества вы не предлагали, вы не будете в состоянии удовлетворить спорщиков. Все равно, как если бы я предлагал новую систему математики, и кто-либо спросил меня: "Прекрасно, но при новой системе можете ли вы сделать, чтобы десять входило в сотню одиннадцать раз?" По правде говоря не важно, делаете ли вы задачу посредством арифметики, алгебры, тригонометрии или другими методами, — тот же ответ должен быть дан на заданную задачу; и так же, как нельзя вогнать в сотню более десяти десятков, так и невозможно более, чем одному лицу иметь исключительное право на одну вещь. Если двое захотят ее, одному придется обойтись без нее, какова бы ни была форма общества, в котором они живут. Поэтому, с самого начала, мы видим, что не может быть удовлетворительного разрешения этого спора, потому что возражение было поднято простым предположением неудовлетворительного положения вещей.

Все, что мы можем сказать, так это то, что подобного рода диспуты лучше всего раз-

решаются без вмешательства власти. Если эти двое — рассудительны, то они, вероятно, взаимно согласятся уладить их спор, обратившись к какому-либо их общему другу, мнению которого они доверяют. Но если, вместо этого разумного курса, они решат установить определенный авторитет, неизбежным результатом будет несчастье. Первым делом, этому авторитету должна быть вручена сила приводить в исполнение свои решения. Что же случится тогда? Ответ совсем прост. Чувствуя себя превосходящей силой, он, естественно, заберет себе лучшее из спорного, а остальное поделит между своими друзьями.

Что это за странный вопрос? Он предполагает, что два человека, сходясь на равных условиях и не соглашаясь, не могут быть разумны и справедливы. С другой стороны, он предполагает, что третья сторона, начав с несправедливого преимущества и поддерживаемая насилием, будет воплощением правосудия. Здравый смысл, наверное, предостережет нас от такого предположения, а если у нас его не достает, мы можем взять урок, обратясь к жизненным фактам. Мы видим повсюду, стоящую над нами Власть, которая во имя "справедливости и равенства" пользуется организованным насилием для того, чтобы отнять львиную долю мирового богатства в пользу правящего класса.

В заключение, мы можем сказать, что если люди будут сварливы и постоянно иметь раздоры, тогда, без сомнения, никакое строение общества не удовлетворит их, ибо они — животные необщественные. Если же они случайно таковы, тогда в каждом случае он должен раз-

решаться только заинтересованными.

Номер 12-ый.

Предположите, что один округ захочет провести построение железной дороги через соседнюю коммуны, которая воспротивится этому. Как вы уладите это?

Любопытно, что этот вопрос задается не только теми, кто поддерживают настоящую систему, но часто предлагается и социалистами. Несомненно, он включает в себе завоевательный дух капитализма, ибо, разве не капиталисты говорят о "развитии" различных стран света; и разве не делают они при первом случае этого, затеявая войны для того, чтобы провести свои железные дороги, вопреки сопротивлению местных жителей? В стране, в которой существуют различные коммуны, вполне разумно, что люди этих коммун пожелают облегчения своего передвижения и посылки или получения вещей. Это относится в такой же степени к одной маленькой коммуне, как и к другой. Тогда вопрос касается не только местной дороги, а и непрерывной линии, тянувшейся от одного края страны до другого. Если определенный округ, в таком случае, будет отказываться от такого ценного приспособления, у него, наверное, будут иметься достаточные мотивы для отказа. Если так, разве не было бы безрассудством посредством власти принудить эту общину к подчинению проведения там железной дороги?

— Если не существует причин, тогда мы просто предполагаем общество несговорчивых людей и спрашиваем, как они устроятся вместе? На самом деле, они не могут сойтись, и бесполезно искать какого-либо общества, которое могло бы удовлетворить таких людей. Возражение, поэтому, нужно делать не против Анархизма, но против общества, вообще. Что предложило бы общество с правительством? Начало ли бы оно гражданскую войну из-за этого? Построило ли бы оно достаточно великую тюрьму, для заключения этой общины, и заперло ли бы весь народ за сопротивление

закону? В действительности, какое право имеет власть разбирать дела там, где в ней не нужны, право судить о делах, которых нет у Анархистов?

Детское возражение! Оно основывается на предположении, что люди неблагоразумны, и если такого рода предположения принимать, как аргументы, тогда легко доказать несущественность любого строения общества. Я должен повторить, что многие из этих вопросов — такого же типа, и читатель, с известной долей здравой логики, будет в состоянии видеть, как незначущи они, и не нуждается в чтении особых ответов, которые я дал на них.

Номер 13-ый.

...Предположим, что ваши свободные люди захотят построить мост через реку, но не согласятся в выборе места. Как вы это уладите?

Для начала, хотя это и ясно, важно отметить, что не я, а они уладят дело. Процесс этого дела я представляю себе чем то вроде следующего:

Назовем две несогласающиеся группы, А и Б. Тогда —

1) А. будет иметь мнение, что план Б. совершенно бесполезен ей, и что единственное возможное положение моста должно быть там, где она предложила. В таком случае она заявит: "Помогите нашему плану, или же не объединяйтесь совсем.";

2) А. может иметь мнение, что план Б. бесполезен, но считаясь с ценностью помощи Б., пожелает поступиться несколькими саженьями, и прийти к сделке с Б.;

3) А., увидя, что она не достанет помощи от Б., если не уступит ей совсем, может сделать это, полагая, что полученная помощь имеет большую стоимость, нежели пожертвование позицией.

Это, я думаю три пути, открытых для А. Они же открыты и для Б. Предоставляя читателю сопоставить оба, я полагаю, что он найдет, что результаты будут: или (1). Что

мост будет построен на позиции А., с полу, скажем, охотной поддержкой Б.;

или (2). То же самое, но с переставленными буквами А. и Б.;

или (3). Мост построен будет где-либо между, с частичной поддержкой обеих партий;

или (4). Каждая сторона следует своему курсу, независимо одна от другой.

В каждом случае, я надеюсь, можно видеть, что окончательная постройка будет добровольно-представительной; но если бы, в противном случае, одна сторона была в состоянии принудить другую платить за то, чего она не желает, результат был бы не "представительным" и несправедливым.

Польза этого, немного скучного аргумента, будет видна, если его прилагать не только к постройке мостов, а ко всякой деятельности в жизни. Делая это, мы будем в состоянии вообразить вырастающий строй общества, где группы работают совместно, пока они соглашались, и работают врознь, когда не соглашались. Учреждения, созданные ими будут соответствовать их желаниям и нуждам. Они будут действительно "представительными". Как различно это от взгляда на вещи политика, который всегда хочет принудить людей к операции в проведении его идеи общества.

Номер 14-ый.

Что будете вы делать с преступником?

Есть один важный вопрос, который должен предшествовать этому, но который наши противники, кажется, никогда не желают спрашивать. Прежде всего, мы должны решить, кто такие — преступники, или, еще раньше, нам нужно определить, кто может решать, кто такие — преступники? Сегодня богатый говорит бедному: "Если бы мы не были здесь, как твои охранители, — на тебя бы напали разбойники, которые отобрали бы все твое владение". Но богатый имеет все богатства и роскошь, которые произвел бедняк, и, в то время, как он претендовал на звание защитника народа от грабителей, он урвал себе львиную долю на "законном основании". Тогда

да перед бедняком встает вопрос: кого ему нужно бояться больше — грабителя, который едва ли возьмет что-либо у него, или же закона, который позволяет богатому забирать все лучшее из того, что производится?

Большинству людей "преступники" в обществе совсем не опасны, даже и сегодня, ибо они являются, по большей части, людьми воюющими с теми, кто владеют землей или захватили все богатства жизни. В будущем обществе, где не будет существовать такой собственности, и где все, что нужно можно брать наравне со всеми, "преступник" наверное вымрет. Сегодня, при нашей теперешней системе общества, он всегда стремится стать более численным.

Номер 15-ый.

Для каждого большого города необходимы водостоки. Предположим, что кто-либо откажется присоединиться, — что вы сделаете с ним?

Это возражение — тоже из отдела "предположений", которые, в действительности, были все отвечены в разборе вопроса, номера 1-го. Оно основано на необщественном человеке, когда все системы обществ организуются только для общественных людей. В действительности, без сомнения, будет то, что в свободном обществе, санитары-эксперты сойдутся вместе и организуют нашу водосточную систему, а люди, живущие в округе, будут только радоваться этим удобным приспособлениям, сделанным для них. Но все-таки, возможно предположить, что кто-либо не согласится; — что вы будете делать с ним? Что посоветует наш друг правительств?

Единственная вещь, которую они могут сделать — посадить его в тюрьму. Мы, в ан-архическом обществе, этого не сделаем, но мы можем употребить все аргументы для убеждения, которые и они могли бы употребить. Что выиграл бы город, посадив его в тюрьму? Вот описание современной тюремной

камеры, в которую его могли бы бросить:

”Я спал в одной обыкновенной камере, с двумя раздвижными окошками, которые оба не открывались более, чем на шесть квадратных дюймов. Окна вделаны высоко в стене и занимают площадь 3 на 2 фута. В дополнение к этому, они очень грязны, так что свет в камере всегда тусклый. После замыкания арестанта на всю ночь — воздух невыносим, и его вред усугубляется еще сыростью“.

”Параша“, ставящаяся в камере, совсем несоразмерна, и даже, если бы она и была нужного размера и не текла, то факт, что она остается неопорожденной с вечера до утра, особенно в случае болезни, является очень негигиеничным и опасным для здоровья. ”Надворное время“ позволяет только в определенное время дня дважды в день, с одним только клозетом на 23 камеры“*).

Таким образом, мы видим, что думая обеспечить чистотой этого человека посредством насилия, мы не можем гарантировать, что используемое нами насилие не будет нечисто, грязно.

Но есть еще иной взгляд на этот вопрос. Карл Мейл, управляющий Новым Колледжем Оксфорда, после распространения тифозной горячки, взялся освидетельствовать водостоки Виндзора; он заявил потом:

”В первый визит тифозной горячки беднейшие и самые нижайшие части города избегли совсем, в то время, как эпидемия была очень смертельна в хороших домах. Разница была та, что все лучшие дома были соединены с водостоками, а бедная часть города не имела водостоков и пользовалась цистернами в огородах. И это совсем — не единичный случай“.

Здесь будет уместно процитировать из Герберта Спенсера:—

”Одна часть нашей санитарной администрации настаивала на водосточной системе, по-

средством которой Оксфорд, Ридинг, Виндзор и др. сквернят и портят воду, которую приходится пить Лондонцам, а другая часть нашей санитарной администрации громко протестовала против нечистоты воды, которая, обвиняли они, причиняет заразы — совершенно не замечая, что введенная законом постановка дела производит нечистоту“.

Из этого мы можем видеть, что человек отказывающийся соединить его дом с водосток, как раз является заинтересованным в проекте и кое-что знающем о гигиене. Поэтому было бы очень важно выслушать его и устранить его предубеждения, вместо того, чтобы замкнуть его в нездоровой тюрьме. Факт тот, что бунтарь здесь так же важен, как и в других делах, и его можно с выгодой для всех устранить, удовлетворив его, а не посредством раздавления его.

Так как вопрос о водостоке был взят только, как пример нашим возражателем, то было бы интересно тут же просмотреть и другой подобный случай, где постановления о карантине заразного скота были опротестованы ввозившим скот из-за границы. В письме в ”Таймс“, подписанном ”Землевладелец“, помеченном 2-го августа, 1872го года, пишущий говорит, как он купил ”десять прекрасных молодых бычков, совершенно чистых от всякого признака заразы, и пропущенных, как здоровые, инспектором иностранного ввоза скота“. Вскоре по прибытии в Англию, они были атакованы заразой рта и ног. После запросов, он узнал, что заграничный скот, ”как бы ни был здоров, почти весь издыхает от этого после пропуска“. Правительственное постановление для уничтожения этой заразы было то, что каждое стадо должно быть загнано с корабля в загороди на определенное количество часов. Кажется, не может быть и сомнений, что именно в этом карантине здоровые животные получили заразу и распространили ее между скотиной Англии.

”Каждый новый гурт скота держится часами в зараженной загороди. За исключением

*) ”Женщины и тюрьмы“ — Фабиан Тракт, Н. 16.

того, когда все предыдущие гурты были здоровы (что отрицается самим фактом учреждения карантина), некоторые из них оставляют на и в загороди заразную материю из их ртов и ног. Даже, если после каждого загона хлев хорошо дезинфицируется, и тогда риск велик, ибо наверное, что дезинфекция не ответственна. Нет, если даже хлев и вполне обезоружен каждый раз, а сходни, сходной загон и путь в хлева не дезинфицированы, —

зараза все равно сообщится... Карантинные постановления.. могли бы подходяще называться "постановлениями для большего распространения заразных болезней скота".

Не посоветует ли наш возражатель Анархизму, что человек, отказывающийся загнать свой скот в эти хлевы, должен быть послан в тюрьму?

(Продолжение в следующем номере).

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

СТОНЫ ИЗ РУССКОЙ ТЮРЬМЫ.

Рязанский концентрационный лагерь насильственного труда.

27-го апреля, 1921-го года.

Дорогие товарищи!

Спешим сообщить вам, что мы в настоящее время находимся в Рязанском концентрационном лагере насильственного труда. Нас привезли сюда вчера, т. е. 26-го апреля. Здесь нас всего только десять анархистов — Давид Коган, Курбатов, Лилов, Тарасюк, Константин Феодоров, Буданов, Хохова, Гаврилов, Филипенко и Фаня Барон. Кроме нас десяти, сюда привезли также, из той же Бутырки девять членов Правых Социал-революционеров и 16 меньшевиков; всего 35 человек. Они взяли нас из Бутырской тюрьмы в ночь с 25-го на 26-ое апреля, между 3—5 часами утра. Забрали всех социалистов, более 300 человек. Забрали нас силой. Многие были избиты. Нас забрали в ночном белье, хотя позднее нам позволили возвращаться, по-одиночке, за вещами. С женщинами обращались хуже всего. Многим из них поразбивали головы. Тюремщики сбрасывали жен-

щин с лестниц, а некоторых вытаскивали за волосы. Меня самого так сильно побили, что у меня и до сих пор болят все тело. Больше всего били тех, которые оказывали сопротивление. Вообще, тюрьма в ту ночь была настоящим кошмаром, ужасом, описать который у меня не хватает слов.

Нас всех поделили на группы; относительно пяти, которых они забрали, нам ничего неизвестно. Мы просим вас сделать немедленный запрос через "Политический Красный Крест," или "Черный Крест" (Анархический Красный Крест для помощи заключенным Анархистам). Дайте нам знать, как можно скорее, как другие проживают и сообщите им о нас. Мы еще не знаем, останемся ли мы здесь, или нас отправят куда-либо еще.

С братским приветом:

И. В. Тарасюк.

P. S. — Рязанская тюрьма, 28-го апреля. — Вчера вечером они перевели нас в тюрьму. Мы совершенно изолированы. Кажется, по приказу Чрезвы-

чайки, они намерены держать нас в строжайшей изоляции. Нас 35 в одной камере. Будет весьма и весьма трудно прожить здесь, особенно после режима в Бутырках. Сообщите нам, кто из товарищей остались в Бутырке или других Московских тюрьмах. Прошу вас, узнайте и сообщите мне, где находится Таня Авруцкая, или же куда ее забрали. Сообщите ей обо мне и передайте мой привет. Это все, наконец. Наилучшие пожелания, с тов. почтением.

Рязанская тюрьма, 3-ий корридор, Камера 12-ая.

И. В. Тарасюк.

Примечание. — Настоящее письмо, по просьбе товарищей из Москвы, которые выслали его за-границу,

было помещено почти во всей Анархической и Синдикалистической прессе Европы и Америки. Оно еще лишний раз подтверждает факт жесточайших преследований наших товарищей Анархистов и политических противников настоящего режима Большевиетским правительством. В правдивости письма не может быть сомнений, ибо, действительно, товарищи были забраны насильно из Бутырской тюрьмы и сосланы в различные провинциальные тюрьмы большевистской России небольшими группами. "Выселение" произошло накануне "Интернационального Конгресса Красных Юнионов," и, возможно, главной причиной его являлось желание большевистских властей скрыть факт преследований от собравшихся делегатов, ибо стоны и крики заключенных могли "повредить" их отношению к "Диктатуре Пролетариата."

ЗАЯВЛЕНИЯ И ОТЧЕТЫ.

ЗАЯВЛЕНИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Не были помещены и, по желанию авторов, будут возвращены с поправками следующие статьи и стихотворения: "Нужен ли центр?" — В.; "Бунт и революция" — Яруб; "Организованное насилие в революции" — Феденко; "Умница" — Б. и "Привет пятнадцатилетнему узнику" — Феденко. Остальные рукописи были уничтожены при переводе Ред. Колл., или же еще ранее. О рукописях, полученных после 15го августа, будет сообщено в следующем номере.

2) Просим всех отдельных товарищей, группы и районы сообщить в Ред. Колл. точное количество экземпляров "Волны", нужное для распространения в каждом месте, дабы было известно в каком количестве издавать наш орган. Просим также вырученные средства не задерживая, высылать на дальнейшее издание органа.

3) Товарищи! До сих пор в Ред. Колл. почти не доходило никаких сведений об арестованных и томящихся в тюрьмах наших товарищах, а потому ничего и не могло быть сказано на страницах "Волны" по этому поводу.

Товарищи, помогите нам осветить этот вопрос: пишите корреспонденции и письма о том, где и при каких обстоятельствах были или будут арестованы и осуждены нашими врагами наши товарищи.

4) Товарищи! Все высказались за необходимость принятия участия и посылки делегата на Интернациональный Анархический Конгресс. Все группы и районы Федерации согласились на одном делегате, тов. Д. Конгресс состоится в Берлине в последних числах октября. Цель этого Конгресса вам известна, а также известна и главная миссия, самая суть работы делегата. Еще раз приглашаем всех принять деятельное участие в осуществлении намеченной цели. Нужны значительные средства, необходима кооперация всех. Действуйте, не медлите!

5) В виду письма некоего, Ксантаса, в Лондонском Анархо-Коммунистическом еженедельнике на еврейском языке, "Арбайтер Фр.", от 30го июля, в котором 6 (по "точным" сведениям Ксантаса 5 только) депортированных из Соед. Штатов и недопущенных в Россию наших товарищей Анархистов, грязнятся безос-

новательно позорными именами погромщиков и контр-революционеров, мы считаем долгом дать небольшую справку всем заинтересованным в истине и неудовлетворяющимся низкой клеветой. Ксантас говорит, что все сведения им получены от "социалистов", т. е. противной стороны, которым "невозможно не доверять(?)", что лично он депортированных не знает, и спрашивает знакомы ли они в движении? Да, они известны нам, ибо в последние два года они совместно с нами и деятельно работали в Федерации Анархо-Коммунистических групп Соед. Штатов и Канады, а некоторые из них, еще до того, работали в Федерации С. Р. Р. Шестой из них, Нириг, (еврей по рождению, а потому, возможно, и исключенный из числа "погромщиков" Ксантосом), хотя и не принадлежал к "групповикам", но был арестован и депортирован за свои анархические взгляды, слова и действия.

О Т Ч Е Т:

Отчет района Питсбурга: по 1-ое авг.:
Продано книг:

Речь Бунтовщика, 49 кн. —	36.75
Анархизм. — Эльбахера, 32 кн. —	24.00
Анархисты. — Макей, 1 кн. —	1.00
За старую литературу — — —	1.40
Всего — — — —	63.15

Выручено за "Волну:"	
Номер 15-ый — — — —	11.70
" 16-ый " — — — —	7.80
" 17-ый " — — — —	4.35
" 18-ый " — — — —	5.25
За "Клич Анархистов" — —	14.55
" "Своб. Общ.." — — —	2.55
Всего — — — —	46.20

Средства в общей сумме, 109.35. высланы в Ред. Колл.

Отчет филадельфийск. района. А. К. Гр.
с 10-го апр. по 1-ое августа.

П р и х о д:

От старого район. секр. — —	27.54
" Вильмингтон за "В." № 11,	
12, 13, 14, 15-й — —	3.75
" Бетлегем за "В." № 14, 15-й	7.35
" Филадельфии за "В." № 15-й	4.80

" Честера за "В." № 15-й —	15.00
" Честера за "В." № 16-й —	14.70
" Филадельфии за "В." № 16-й	3.20
" Лос-Анжелес за "В." № 16-й	1.66
" Честера за "В." № 17-й —	15.00
" Лос-Анжелес за "В." № 17-й	1.66
" Филадельфии за "В." № 17-й	10.00
" Лос-Анжелес за "В." № 18-й	1.68
" Филадельфии за "В." № 18-й	9.15

Всего — — — — **115.49**

С Бетлегем добр. пож. на "В."	3.50
" Бетлегема за литер. — —	3.60
" Филадельфии за литер. —	.90
" Филадель. в агит. фонд —	4.92

Итого — — — — **128.41**

Р а с х о д:

Возвр. тов. Кри-ву — — — —	10.00
Проезд делегатов в Честер —	.60
Возвр. тов. Пенъ-му — — — —	10.00
Книга р. с. ф. р. для счетов —	1.75
Выслано в федерацию — — —	38.45
За пересылку литературы — —	.60
За пересылку "Клич. Ан." — —	.45
За пересылку "В." — — — —	.08
Выслано в федерацию — — —	15.00
Бумага и шпигат — — — —	.85
За пересылку литературы — —	.40
Выслано в федерацию — — —	15.00
За пересылку "В." — — — —	.69

За перевоз литературы — — —	.50
За пересылку литературы — —	.48
Возвращено тов. Ва-му — — —	10.00
Выдано лит. агенту на расходы	7.32
За пересылку литературы — —	.08
Почтовые расходы — — — —	1.20
Веревка для упаковки — — —	.20
За пересылку "В." — — — —	.39
За пересылку "В." — — — —	.50

Итого — — — — 114.54

Общий приход — — — —	128.41
Общий расход — — — —	114.54
Осталось в кассе на 1-е авг.	13.87

Отчет Ред. Колл.:

П р и х о д:

По выручке "В." от 13 авг. по 13 сен.	
Е—ет за № 18-й — — — —	6.80
" " № 19-й — — — —	7.80
Б—ра " № 17-й — — — —	15.00
" " № 18-й — — — —	13.05
" " К. А. — — — —	15.15
Всего — — — —	72.80

Пож. на пос. дел. на Ин. Ан. Кон.	
Б—ра от тов. А. Я. — — — —	25.00
Из к—сы № 2-й — — — —	5.00
" " № 3-й груп. — — — —	5.80

Всего — — — — 35.80

Перевод от ст. секр. — — —	902.38
Выручка за "В." — — —	72.80

На д—та — — — — 35.80

Общий приход — — — — 1010.98

Расход от 13 авг., по 13 сентября:

По изданию "В." № 20-й	
За набор — — — — —	70.00
За мишины — — — — —	30.00
Упаковка — — — — —	2.00
За печатанье — — — — —	100.00
Расх. Редактора от 24 июля по	
24 августа — — — — —	100.00
Посылка № 20-го "В." — —	.98
Экспр. за № 20-й "В." — —	2.00
Перевоз № 20-го "В." — — —	.50
Россылка № 20-го "В." — —	3.20
Пересылка в Европу — — —	4.18

Всего — — — — 312.96

Расход секр. Ред. Колл. ст-го.

Почтовые марки — — — —	1.00
Письменные принадлеж. — —	1.60
Поезд. на К—ую — — — —	7.50

Всего — — — — 10.10

Поезд. н. секр. в Ф. — — —	7.00
Воззвания к шахт. — — —	6.00

Всего расходу — — — 13.00

Общий приход — — — 1010.98

Общий расход — — — 336.06

Остается в кассе на 13 сен. 674.92

Комиссия Р—ая, П. Ч., М. Б., Д. К.